

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

DOI: 10.24833 / 0869-0049-2018-4-33-43

Максим Анатольевич ИСАЕВ

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России
Проспект Вернадского, д. 76, Москва, 119454, Российская Федерация
isaeff.maximanatoljevitch@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8492-0650

К ВОПРОСУ О МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ФИНЛЯНДСКОГО

ВВЕДЕНИЕ. Статья посвящена малоисследованному в отечественной юридической науке вопросу о правовом статусе отдельных территорий Российской империи. В качестве примера взят наиболее «либеральный» статус Великого княжества Финляндского. Сепаратистские тенденции постепенно возникли в кругу элиты этой провинции и, усиливаясь из десятилетия в десятилетие в XIX в., превратились к началу XX в. в учение о государственном статусе Финляндии и об особом соединении Финляндии с остальной территорией империи по примеру уникальных структур монархий той эпохи: Швеции и Норвегии, Австро-Венгрии, Англии и Шотландии.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Материалом для исследования послужило законодательство Российской империи (далее – ПСЗРИ), а также законодательство Великого княжества Финляндского. Вторую группу источников составили материалы доктрины (как русской, так и зарубежной), включая литературу по международному праву второй половины XIX в., а также исторические и публицистические труды российских и финских исследователей. При подготовке настоящей работы широко применялись сравнительно-правовой анализ, юридико-догма-

тический метод и общая аналитика (дедуктивно-индуктивные способы исследования).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В ходе анализа имеющегося правового и научного материала автор приходит к выводу о сложном комплексе причин, побудивших Россию присоединить Финляндию, а также ввести льготный, либеральный режим правления в этой стране. Целый ряд геополитических, экономических, культурных и юридических проблем, с одной стороны, вылился в установление уникального статуса Финляндии, а с другой – породил в кругах финской интеллигенции надежду на сначала автономное, а затем и полностью независимое существование государства. Эта форма сепаратистского движения была активно поддержана западной наукой международного права, прежде всего немецкой и шведской, что не могло не вызвать ответную реакцию у русских ученых.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. В результате завязавшейся полемики и последовавших за ней мер правительства Российской империи сепаратистская концепция финноманов была разрушена. И только крушение русской монархии в феврале 1917 г., которое повлекло за собой за-

хват большевиками власти, позволило финским сепаратистам осуществить свою мечту. Анализ механизма предоставления большевиками независимости Финляндии свидетельствует о крайней государственной недалекости правительства большевиков, спровоцированной идеями о мировой революции. Именно в том, как Финляндия вышла из состава Российской империи, мы можем видеть истоки двух конфликтов между нашими странами (1939–1940 и 1941–1944 гг.), а также русофобии, имеющей широкое хождение среди финского населения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: уния, автономия в унитарном государстве, территория в международном праве, Великое княжество Финляндское и его статус, положение отдельных территорий в составе Российской империи

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Исаев М.А. 2018. К вопросу о международно-правовом статусе Великого княжества Финляндского. – *Московский журнал международного права*. № 4. С. 33–43. DOI: 10.24833/0869-0049-2018-4-33-43

HISTORY OF INTERNATIONAL LAW

DOI: 10.24833 / 0869-0049-2018-4-33-43

Maxim A. ISAEV

Moscow State Institute of International Relations (University) MFA of Russia
76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454
isaeff.maximanatoljevitch@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8492-0650

ON THE ELABORATION OF THE LEGAL STATUS OF THE GRAND DUCHY OF FINLAND

INTRODUCTION. *The article deals with the insufficiently explored in our legal science the law status of separate territories of the Russian Empire. As an example we took the most “liberal” status of the Grand Duchy of Finland. The Finnish elite had become more and more separate in its mood from one decade to another during the XIX century that lead to formation of state status theory of Finland and its special union connection with the Empire. This status was just simple like unions of Sweden and Norway, Austria and Hungary, England and Scotland. That was the main idea of this theory.*

MATERIALS AND METHODS. *The material for the article was the legislation of the Russian Empire (Full Digest of the Laws of the Russian Empire) and*

Grand Duchy of Finland (Finlands lagar, Storfurstendömet Finlands Författnings-Samling). Another sources were the works of European and Russian doctors of law, especially the doctrine of international law, how it was worked out at the end of the XIX century. The works of Russian and Finnish historians were also the sources of this article. The methodological basis of this research consists of comparative law and juridical-dogmatic methods. As the main basic method was taken analytical method (deductive and inductive methods of research).

RESEARCH RESULTS. *In the article the author shows the complicated political reasons that induced Russia to annex Finland and to settle very liberal and privileged ruling regime in Finland. This*

complicated complex of reasons that had geopolitical, economic, cultural and legal roots permitted to establish a unique status of Finland – from one point of view; but promoted so-called fennomans to demand a separate status for Finland as an independent state – from another point of view. This intention was supported by the western science of international law (first of all in Germany and Sweden) but at the same time it had challenged the annihilating criticism of the Russian lawyers.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *As the result of the discussion and the next actions of the Imperial government the theory of the separate Finland was destroyed. But the crush of the Russian historical power in February 1917 and the coup d'état that was*

made by bolsheviks the Finnish separatists could solve their problems. The obtaining of independence by Finland in December 1917 had the most destroying consequences in the XX century: two wars of 1939–1940; 1941–1944 and the growth of russofobia in recent Finland.

KEYWORDS: *union, autonomous part of the unitary state, territory in international law, Grand Duchy of Finland and its status, status of several parts of the Russian Empire*

FOR CITATION: Isaev M.A. On the Elaboration of the Legal Status of the Grand Duchy of Finland. – *Moscow Journal of International Law*. 2018. No. 4. P. 33-43. DOI: 10.24833 / 0869-0049-2018-4-33-43

Империи в истории форм государства стоят особняком, вне устоявшегося еще со времен Аристотеля учения о трех основных формах правления. В некотором смысле этот недостаток понимало окружение Платона, особенно такой его ученик, как Ксенофонт, оставивший нам своеобразный панегирик Персидской империи и порядкам, в ней царившим («Киропедию»). Со времен Полибия мало что изменилось. Например, Римская империя использовала старую республиканскую форму для своей организации, а именно *respublica*. Тем не менее уже в древности отмечался наднациональный уровень империи, ее более высокий культурный статус и значение, хотя бы уже потому, что все империи стремятся, а древние в особенности, к унификации собственного пространства, а значит, и времени, как доказал в свое время известный канадский экономист Гарольд Иннис [Innis 1950].

В эпоху Нового времени империи, появившиеся из недр средневекового общества, очень быстро приобретают колониальный оттенок, что, конечно, накладывает на их форму известный отпечаток. Тем не менее не все империи в указанное время носили колониальный характер. Российская, а точнее, Всероссийская, империя составляет в этом ряду очень интересное исключение. Не секрет, что относительно недавно в нашей историографии бытовал тезис о царской, имперской России как «о тюрьме народов». Кстати, этот тезис продолжает активно развиваться сегодня на просторах бывшего СССР, в национальных республиках. Это вызвало известный парадоксальный ход рассуждений, будто бы «банды бледноли-

цых шайтанов, врывались в мирные туркменские кишлаки, где они упраздняли рабство, начинали строить дороги, больницы и школы». А в Прибалтике эти самые «шайтаны» вообще впервые увидели в местных аборигенах людей, в чем им веками отказывало немецкое меньшинство.

В связи с этим нельзя не отметить отрядный факт, а именно вышедшую в 2011 г. коллективную монографию Института российской истории РАН, в который мы читаем совершенно непривычные для недавнего советского (российского) читателя строки: «Социальные функции имперской государственности как таковой носили в целом позитивный характер и во многом сближали Россию с другими мировыми державами, особенно в Новое время. Это унификация и культурное абсорбирование разнородных территорий; поддержание стабильного и эффективного управления ими (далеко не всегда сохранившегося в послеимперский период); вклад в модернизацию общества путем последовательных реформ права и административных институтов, осуществляемых самой государственной властью; наднациональный арбитраж...» [Российская империя 2011:853]. Надо признать еще раз – заявление совершенно невозможное для отечественной науки лет 20 тому назад.

Иными словами, империя есть *mirь*, самодостаточное целое, части которого находятся в своеобразном, дополняющем друг друга положении. Будучи разными, непохожими, населенными разными народами, принадлежащими порой к совершенно противоположным языковым и расовым семьям и группам, тем не менее все эти

неравные части имеют одно общее, что объединяет их формально, фактически же не затрагивая их самобытности. Общее, что уравнивает, представляет собой единый центр власти, соединяющий эти части в одно внешнее целое. Уже в такой форме однородного и в тоже время сложного состава государственной власти юрист должен видеть как своеобразное обозначение единства управления империей, так и указание на особенные формы управления теми или иными областями. Именно юридический анализ способен во многом пролить свет на действительное положение дел и поставить точку в череде спекуляций, порожденных нечистоплотной политической игрой, восходящей своими корнями к XIX в., а подчас и к более далекому прошлому. Российская империя ни в один из моментов своего существования не являлась «тюрьмой народов». Наоборот, она была семьей народов, но сепаратизм отдельных членов этой семьи также довольно рано дал о себе знать. А ведь Всероссийская империя имела в ряду органов местного управления особые учреждения, призванные учитывать запросы ее нерусских подданных. В совокупности эти органы в дореволюционной литературе имели название «местные учреждения». Это, казалось бы, очевидное противоречие говорит нам только о том, что империя в качестве политического субъекта есть динамическая система, нуждающаяся в постоянной нивелировке ее элементов.

В свете вышесказанного нам представляется особенно удачным пример Великого княжества Финляндского, его статуса и управления. Сразу надо отметить, что вопрос о юридическом положении Финляндии приобрел чрезвычайную остроту в конце XIX в., вызвав поток диаметрально противоположных суждений¹. В современной Финляндии хоть и встречаются прежние радикальные мнения², но в целом господствует взвешенный подход к имперскому периоду в истории этой страны³. Характерное признание сделал в связи с этим относительно недавно один извест-

ный финский историк: «...удивителен не факт получения Финляндией в 1809 году особого статуса, а то, что она сохранила этот статус до 1917 года» [Клинге 2005:36]. Таким образом, для удобства дальнейшего анализа мы попытаемся разделить все позиции на две группы:

А. Мнения, обосновывавшие положение Финляндии в качестве особого *государства* в составе империи (реальная уния).

Б. Мнения, отрицавшие за Финляндией особый государственный статус и базировавшиеся на том, что Финляндия как провинция с однородным населением имела определенные привилегии по учреждению внутреннего управления и внутреннего законодательства (автономия).

А. Вопрос во многом возник, следует это признать, из-за странностей душевного состояния императора Александра I. Наверняка характеристику этих особенностей, данную в прекрасной монографии Великого князя Николая Михайловича⁴, можно было распространить и на период до войны 1812 г. Общая неясность выражений актов о присоединении Финляндии к России, крайняя противоречивость в поступках общеимперской власти дали ложный повод в дальнейшем финским сепаратистам извращенно толковать действительный смысл этих законов.

Наукой однозначно признается, что до последней русско-шведской войны Финляндия не представляла собой какого-либо обособленного правового единства в пределах Шведского королевства. Вообще, к моменту покорения Финляндии от нее в шведских руках оставались те девять с половиной губерний, которые и были перечислены в качестве земель (*les gouvernements*), уступленных по ст. 1 Фридрихсгамского мирного договора 1809 г. Однако в сложившийся промежуток времени между завоеванием Финляндии (оккупация эффективно стала осуществляться с декабря 1808 г.) и заключением мирного договора (сентябрь 1809 г.) произошло несколько событий,

¹ Вот лишь некоторые точки зрения, содержащие прямое извращение формы правления империи и «доказательства» государственного статуса Финляндии: [Германсон 1897; Михелин 1910; Эрих 1908]. Блестящая критика фенно-манских взглядов была дана в разгар полемики: [Бородкин 1901; Шиловский 1903; Берендтс 1910].

² См., например: [The Finnish Legal System... 1966].

³ См., например: [Юсилла, Хентила, Невакиви 1998].

⁴ Напомним, что порфиородный историк в известном месте своего труда затруднился дать «верную оценку этого психоза, приближавшегося скорее к какому-то общему сумбуру разума и мыслей, чем к иной форме мышления» [Вел. кн. Николай Михайлович 1999:193]. Истины ради, тем не менее стоит отметить, что эти странности во многом определялись геополитическими соображениями. Императору необходимо было во что бы то ни стало перебороть шведское влияние в только что присоединенной стране. Император Николай I был в этом так же последователен, как и его брат. Именно его правление ознаменовалось переломным моментом, когда финны стали заявлять буквально следующее: «Отныне мы уже не шведы, русскими быть не хотим, так будем же финнами» [Клинге 2005:44–45].

по мнению финских радикалов, существенно повлиявших на конституирование Финляндии в качестве самостоятельного субъекта права.

Надо отметить, что подобное мнение есть самое радикальное и не всеми борцами за государственность признается, поскольку резко противоречит господствовавшей тогда, да и теперь, доктрине международного права, согласно которой суверенитет над территорией во время войны приобретен быть не может. Право – суверенитет – следует отличать от его основания (*causa*) – фактической оккупации или иной формы удержания своей власти над территорией. Поэтому тогдашнее международное право утверждало, что суверенитет приобретается не силой оружия и не желанием завоевателя, а только договорной уступкой (*cessio*) суверенитета от побежденного к победителю.

Впрочем, сепаратисты, пытаясь обойти данное препятствие, утверждали, что, несмотря на то, что финские обыватели (тогдашний легальный термин) формально продолжали находиться во власти шведской короны, они тем не менее воспользовались возможностью, предоставленной им русской оккупационной властью, реализовать свой, так сказать, народный суверенитет, и на созванном императором в марте 1809 г. в городе Борго сейме принесли ему присягу на верность до заключения формального мирного договора, тем самым конституировав себя в качестве особого государственного целого и заключив союз (унию) с Российской империей.

Действительно, международная практика той эпохи допускала проведение подобных плебисцитов под дулами ружей. В основном это делалось для оказания давления при мирных договорах на противоположную сторону с целью вынудить ее отказаться от своих суверенных прав, поставить перед свершившимся фактом. Но в данном случае авторы подобного аргумента извратили суть учения о суверенитете, выработанного в конце XVI в. Ж. Боденом и остававшегося неизменным вплоть до сего дня: суверенитет един и неделим!

Тем не менее доктрина дает возможность обходить и этот запрет, используя положения так называемой теории двойного суверенитета, господствовавшей в Западной Европе до Бодена. Эта теория рождена на почве феодализма, где нет места государству, а существует ряд владений, связанных между собой узами сюзеренитета и вассалитета. Кроме того, авторы фенноманских теорий почему-то стыдливо забыли указать, что на Боргоском сейме *de iure* принесли присягу в верности жители только пресловутых девяти с половиной губерний шведской Финляндии, тогда как ее южная часть с 1741 г. входила в состав России. Само же объединение «старой» и «новой» Финляндии состоялось только по Манифесту от 11 декабря 1812 г. Этот акт гласил: «С присоединением новой Финляндии к Российской Империи различие между старою и новою Финляндией как в наименовании, так и в самом образе правления, находя излишним и настоящему положению сего края несвойственным, вняв мнению Государственного Совета, признали Мы за благо постановить следующее:

- 1) старую и новую Финляндию отныне совокупно именовать Финляндиею;
- 2) прежние финляндские губернии наравне с губерниями, в Финляндии существующими, отныне состоять будут в главном управлении для сей страны Нами учрежденном»⁵.

Дабы обойти и это затруднение, стали указывать, что в данном вопросе решающую роль сыграли мнение и воля самого русского императора, в целом ряде своих манифестов относительно Финляндии заявившего о желании возвысить эту провинцию до ранга «нации», по терминологии того времени – «государства»⁶. Более того, действительно, после Александра I, в основном при Александре II, финны могли слышать из уст русских монархов выражения типа: «Финляндия – свободная нация, пользующаяся правами, которые ей удостоверяет ее конституция» или – уж совсем несуразное – «Принцип монархизма, ограниченный конституцией, прирожден духу их нации»⁷. Но при этом совершенно нельзя за-

⁵ ПСЗРИ. 1-е изд. Т. XXI. № 24907.

⁶ «Понятие нации, – писал М. Клинге, – в значительной степени было интонировано влиянием идей французской революции и модных в то время политических и идеологических течений. Употребленное императором французское слово “nation” прежде всего следует рассматривать как указание на нацию, государство в политическом смысле» [Клинге 2005:30].

⁷ Так, немецкий историк Роберт Швейцер отмечал, что во время правления царя Александра II Освободителя финляндский Сейм действовал так, как будто бы страна состояла в династическом союзе с Российской империей: «Каждым законом, который император позволил сейму издать в соответствии с конституцией, Россия по существу делала одностороннюю и бесповоротную уступку Финляндии в пользу ее особого положения» [Юсилла, Хентила, Невакиви 1998:61]. Подробнее см.: [Schweitzer 1978].

бывать, кто именно говорит подобные слова. Следует всегда отдавать себе отчет в том, насколько слово монарха, его собственное обещание может связывать его преемника. Всегда надо помнить, что монарх действует только в интересах своего государства и прочих подвластных. Поэтому, если он сочтет, что его слова пришли в противоречие с вечными интересами монархии, он не может быть ими связан. На практике это означает, что русский царь волен творить юридические факты с обратной силой. Такова презумпция русского государственного права той эпохи.

Понимая всю невозможность опереться в своих притязаниях на обещания самодержцев, поборники финляндской государственности стали делать упор на вопросах правового статуса российского императора как великого князя финляндского. В этом аргументе первое, что бросается в глаза, – ужасающий либерализм царской цензуры. Фактически до 1905 г. позволялось публиковать не просто неслыханные нелепости, порожденные либо невежеством, либо сознательным извращением основ государственного строя России, но и просто прямые оскорбления в адрес высочайшей верховной власти (*crimen laesae majestatis*). Так, например, один из авторов дописался до следующего: «Так как Финляндия есть государство и монарх ее в юридическом смысле есть отличное от русского монарха лицо, то отсюда само собой следует, что выполнение функций монархической власти в Финляндии есть выполнение функций финляндской государственной власти» [Эрих 1908:60]⁸. Чем вам не попытка доказать, что русский царь страдает раздвоением личности?! Эта же точка зрения будет потом повторена в марте 1917 г., когда финны заявили, что поскольку царь отрекся от престола, то Финляндию и Россию больше ничего не связывает. Временное правительство тем не менее не согласилось с этим притязанием, переутвердив коренные законы Финляндии.

Необходимо отметить, что это форменное безобразие все же заслужило отповедь, но, правда, на страницах научных трудов. Безусловно, нелепость утверждения, что российский император наследует великокняжеский престол отдельно от императорского, может быть объяснена только чрезмерным желанием доказать наличие приоритета финляндского закона над общеимперским. Обычно в юриспруденции данная проблема возникает в сложносоставных государствах, где дей-

ствует несколько отдельных правовых систем. Конфликт правовых порядков в таком случае рассматривается в качестве особого правового института, содержащего в себе ряд принципов и норм, обеспечивающих автоматическое разрешение проблемы коллизии и прямое действие той правовой нормы, которая есть высшая по иерархическому рангу: *lex generalis derogat lege specialis*, т.е. закон местного значения уступает в силе общегосударственному; распоряжение высших властей превосходит распоряжение низших; тот, кто наделяет компетенцией, может ее отозвать, и т.д. Скрытый смысл этого института, его *ratio*, подчинен принципам целесообразности и иерархичности. Поэтому можно с полным основанием утверждать, что финляндское право, закон действительны только в узких вопросах внутреннего устройства и быта этой провинции Российской империи. В общегосударственных вопросах, вопросах связи княжества с империей может применяться только имперский закон, а точнее, т. 1 Свода законов Российской империи, что было лишним раз подтверждено Манифестом 1899 г.: «По примеру венценосных предков наших Мы видим залог процветания Финляндии в теснейшем ее единении с Империею»⁹.

Вместе с тем остается неясным действительный статус финляндского права в правовой системе Российской империи. Основанием к закреплению за финскими обывателями собственного (личного) права послужил ряд манифестов наших императоров. Так, в первом из них (Манифест от 15 марта 1809 г.) среди прочего встречаем следующую формулу: «признали Мы за благо сим вновь утвердить и удостоверить религию, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояние сего Княжества в особенности и все подданные, оное населяющие, от мала до велика по конституциям их доселе пользовались». Эта же формулировка был повторена манифестами императора Николая I от 12 декабря 1825 г. и императора Александра II от 19 февраля 1855 г. При восшествии на престол императора Александра III формула гарантии получилась уже несколько иной: «признали Мы за благо сим вновь утвердить и удостоверить религию, основные законы, права и преимущества, которыми каждое сословие сего Великого княжества в особенности и все подданные, оное населяющие, от мала до велика по установлениям этого края донныне пользовались». И наконец, Временное прави-

⁸ Ср. с [Эрих 1908:27].

⁹ ПСЗРИ. 3-е изд. Т. XIX. № 16447.

тельство пошло по такому же пути: «Облеченные всей полнотой власти мы сим вновь утверждаем и удостоверяем религию, основные законы, права и преимущества, которыми граждане Великого княжества Финляндского от мала до велика по конституции этой страны пользуются, обещая хранить оные в ненарушимой и непреложной их силе и действии» (Акт от 7 марта 1917 г.).

Возникает резонный вопрос: что это были за права, законы и привилегии? Будучи составной частью Шведского королевства, Финляндия не имела отдельного от самой Швеции корпуса права. На ее территории действовали шведские законы¹⁰. Наиболее значительными из них признаются два акта: Форма правления 1772 г. (*Regerings form*) и Акт о соединении и безопасности 1789 г. (*Förenings och säkerhets Act*). Не будем вдаваться в подробности издания этих документов и указывать их действительное значение для Финляндии (для Швеции они играли роль материальной конституции). Важно указать на то, что ссылка на них поборников государственного статуса Великого княжества Финляндского в качестве основных законов (*grundlagar*), ограничивающих некоторым образом роль русского монарха, вряд ли оправданна. Необходимо помнить, что Форма правления была принята в эпоху неоабсолютизма (правление короля Густава III Адольфа), причем весьма модифицированного¹¹. Акт о соединении и безопасности ознаменовал возвращение Швеции от абсолютизма к сословно-представительной монархии. Ввиду этого шведское государственное устройство радикально противоречило форме правления Российской империи. Чтобы это понять, достаточно сравнить формулировки § 2 Формы правления и ст. 1 Основных государственных законов Российской империи в редакции до 1906 г. Следовательно, фактический строй, учрежденный в Великом княжестве Финляндском после 1809 г., не опирался на шведские конституционные акты. Внутренне устройство Финляндии после 1809 г. регулировалось имперскими законами, были сохранены только

старые сословные представительства: Сенат и Сейм, причем последний очень долго существовал только на бумаге. Первые 60 лет нахождения под скипетром русского царя Финляндия управлялась по актам, издававшимся исключительно имперской властью. Вот характерное признание финского историка: «Истинная власть была у монарха в Петербурге, а также у тех органов, которые были созданы для управления Финляндией» [Клинге 2005:38].

Истины ради, надо отметить, что шведское законодательство не исчерпывалось только двумя актами публично-правового характера. Помимо них в Финляндии действовало также Шведское уложение 1734 г. (*Sveriges rikets lag*) (в Швеции оно действует до сих пор). Этот кодекс в редакции 1807 г. регулировал вопросы частного, процессуального и административно-хозяйственного права и к государственному праву никакого отношения не имел. Однако встречавшиеся в русских актах, посвященных финляндским делам, следующие выражения: «основные законы», «коренные законы», даже «конституции» или «установления этого края» (*швед. detta lands författningar*) и т.д. – давали надежду сторонникам финляндской обособленности. Последние видели в актах учредительной власти, исходивших от имперских учреждений, подтверждение существования собственного, отдельного от имперского правопорядка. В данном случае спор шел уже лишь о терминах, произвольное толкование которых позволяло финским юристам оперировать понятиями типа *Finlands författning, grundlagar av Finland* и т.д. (буквальный перевод: «финляндская конституция», «основные законы Финляндии»).

Здесь необходимо сделать небольшое отступление. Дело в том, что на момент присоединения Финляндии к России и вплоть до царствования императора Александра II официальным языком в этой стране был шведский. Все акты публиковались на нем. Финский же перевод законов в виде исключения появился только во второй

¹⁰ Некоторые из них продолжают действовать до сих пор. Например: «Предисловие Его Величества и Госсовета (*cancellie-collegium*) к Уложению 1734 г.» и «Утвердительная резолюция Короля от 23.01.1736 г.» (см.: *Finlands lag (Suomen laki)*. Bd. 1. Helsingfors. 1997. S. XXXV–XXXVI). Значение этих актов на сегодняшний день весьма и весьма условное. Гораздо важнее «Некоторые правила, коими надлежит следовать судье во время отправления правосудия» (ст. XVII), причем по происхождению это тоже шведский акт.

¹¹ Параграф 2 этой Формы гласит: «Государством имеет право управлять король (*Konungen äger styrka Rike sino*), как гласит шведский закон. Он и никто другой укрепляет право и справедливость, любит и воздает справедливость, уничтожает и прекращает все незаконное и несправедливое. Он не должен лишать кого-либо жизни и чести, неприкосновенности тела и благосостояния без того, чтобы тот был предварительно законно осужден и изобличен. Ни лично, ни посредством других он да не отнимет движимое или недвижимое чье-либо имущество без предварительного суда и законного разбирательства. Он управляет государством согласно законам, Уложению и сей Форме правления».

четверти XIX в. Собственная юридическая терминология финского языка была разработана только во второй половине XIX в.! Кроме того, нужно отметить, что юридические обороты шведского языка представляют довольно серьезную трудность при переводе на русский. Связано это, в частности, с тем, что выражения *fundamentallag* (фундаментальный закон), *grundlag* (основной закон) или *författning* (законоустановление, конституция) никак не могут считаться обозначением понятия конституции, имеющегося в русской юридической терминологии, поскольку их применение в шведском праве во многом не соответствует понятию формального конституционного акта. Не в последнюю очередь это связано с тем, что в современной Швеции отсутствует до сих пор формальный единый конституционный акт. Кстати, в самой Финляндии таковой появился только в ходе реформы 1999 г.!

Таким образом, например, термин *grundlag* буквально означает «закон, изменение которого обычным порядком затруднительно», поэтому употребляться в значении конституции он может только исходя из контекста. При этом значение «конституционный закон» он приобретает не в смысле действительной конституции, а только в смысле формального акта, закрепляющего некоторые основы государственного строя – и только. Именно в таком значении употреблялось выражение «Основные государственные законы» в Своде законов Российской империи. Что же касается выражения «коренной закон», то оно в шведском языке ближе к слову *fundamentallag*, т.е. «законоположение, отличающееся давностью своего происхождения». Этот термин также известен Своду законов Российской империи. Излишне в очередной раз говорить, что юридико-техническое употребление вышеупомянутых терминов в русских актах означало ссылку не на шведские акты, а на акты, изданные имперской верховной властью. Применительно к последнему термину, *författning*, следует отметить, что его перевод не менее сложен, чем предыдущих. Однако и в этом случае мы можем сослаться на то, что под словом *författning* вплоть до сего дня понимается норма-

тивно-правовой акт абсолютного любого ранга и содержания. Словом, это то, что на русский язык переводится как «положение» – формальный акт, или норма, или принцип. Таким образом, *författning* – это никак не финское *valtiosääntö*, равно как *landtag* (Сейм) не *valtiopäivät* (Риксдаг), а *maapäivät* – собрание сословных уполномоченных, призванных решать не общегосударственные, а местные вопросы, иначе говоря, аналог российского губернского земского собрания, образованного по земской реформе 1864 г.

Подводя итог рассмотрению взглядов сторонников особого государственного статуса Финляндии, отметим, что **Финляндия – это провинция, которой дана привилегия, причем привилегия эта дана ее территории *in toto*, а не самой стране и никак не определенным представителям финского населения, что называется, *in propria persona***. Следовательно, старое понятие еще времен поздней Римской империи, выражавшееся известной фразой *Quo iure vivis?*, к самой провинции не относится. Тезис Н.М. Коркунова, что к факту применяется тот правовой порядок, под сенью которого он создан, здесь весьма уместен¹². Неслучайно сенатор Н.С. Таганцев, комментируя п. 3 ст. 5 Уголовного уложения Российской империи 1903 г., отмечал, что «законодательство Великого княжества Финляндского, будучи местным, не может быть толкуемо распространительно, а потому во всех тех случаях, когда может возникнуть коллизия между законами Империи и Великого княжества, она должна быть разрешена в пользу имперских законов по общему правилу ограничительного толкования законов особенных» [Уголовное уложение 1904:11]. А это означает на самом деле применение общеимперского законодательства к фактам, пусть и регулируемым местным финляндским законом, но только в том случае, если факты эти специально затронуты общим имперским законоположением. К подобному выводу пришел дореволюционный законодатель, толкуя общие положения российского права от противного, что называется, *argumentum a contrario*¹³. Следуя этому же принципу, отметим, что финляндское право вообще подлежало при-

¹² В частности, Н.М. Коркунов писал: «...таковы доводы, заставляющие принять для определения соотношения разновременных и разновременных законов тот принцип, что каждый факт должен быть обсуждаем на основании того закона, под господством которого он совершался» [Коркунов 1909:338–339].

¹³ Именно такая точка зрения получила окончательное подтверждение в Законе от 17 (30) июня 1910 г. «О порядке издания законов и постановлений общегосударственного значения», вызвавшего очередной взрыв негодования у «прогрессивных» представителей западноевропейской общественности, по совместительству являвшихся горячими сторонниками финляндской независимости. Статья 1 этого Закона не оставляла, в общем-то, никаких надежд на особенность финляндского статуса: «Внутренними делами Финляндии почитаются те местные ее дела, которые ни

менению в Финляндии постольку, поскольку на такую возможность указывал имперский закон. То есть применялся все тот же имперский закон, но местного, финского происхождения.

Б. В развитии русской позиции в отношении Финляндии можно выделить два периода. Первый, самый ранний, представляет собой эпоху императора Александра I, общая неуравновешенность политики которого весьма четко сказалась на отношении к Финляндии. С общегосударственной точки зрения данная эпоха может быть рассмотрена как период становления и развития внутренних учреждений Финляндии как части общеимперских органов власти. Впоследствии, когда стали со всей очевидностью вырисовываться контуры второго периода, ознаменовавшегося более тесным соприкосновением Финляндии как провинции с Российской империей, неопределенность структуры этих учреждений вызвала острую шовинистическую реакцию у финнов, обусловленную в том числе и антишведской пропагандой российского правительства. В результате все большего, согласно намерению высочайшей власти, вовлечения Финляндии в круг имперских *subjectii* обнаружилось явное несоответствие между намерениями российского правительства и желанием националистических кругов. Это противоречие усиливалось, пока не вылилось в очевидное сепаратистское движение, с которым центральная власть сочла нужным бороться.

Таким образом, цель русской политики в Финляндии заключалась (а) в уважении и сохранении привилегий коренного населения (составлявшего на 1 января 1900 г. 2 352 990 человек из 2 712 562 общей численности, или 86,74% от всего населения) этой инкорпорированной провинции [Коркунов 1893:149], (б) но с одновременным поощрением сближения Финляндии с общерусскими владениями в смысле достижения с ними однородного политического статуса. Причем последнее направление политики после 1906 г. выразилось в придании гражданского равноправия русским, проживавшим в Финляндии, хотя и здесь коренным жителям давались прерогативы. Так, они получили всеобщее избирательное право, включая женщин, что в самой России стало

реальностью только после Октябрьской революции 1917 г.

Выводы и заключение. Историки давно указывают на некоторую анекдотичность в поводах к возникновению сепаратистского движения в Финляндии. Общеимперская бюрократия вообще заметила особый статус княжества только в конце XIX в., когда столица Российской империи разрослась настолько, что понадобилось осваивать пригороды Санкт-Петербурга. Высшая знать и богема столицы, приобретающие дачи на Карельском перешейке, собственно, территории Финляндии, столкнулись с неожиданной проблемой. Местное чиновничество, финское по преимуществу, требовало от дачников общения... на финском языке, поскольку тот уже на равных конкурировал со шведским. Это сильно раздражало, равно как и наличие особого таможенного статуса Финляндии¹⁴.

Тем не менее под нашим совместным существованием подвели черту Февральская революция и последовавший за ней приход большевиков к власти. Фактически финское общество на тот момент было расколото на два лагеря с противоположными взглядами на российское подданство. На сегодня нет, к сожалению, твердых статистических данных, сколько было сторонников, а сколько противников союза с Россией. Но один факт может быть весьма красноречивым. Во время Первой мировой войны Германия активно вела пропаганду среди нерусских народностей Российской империи, пытаясь спровоцировать их на восстание против русской власти. Делались такие попытки и в отношении финнов. В 1915 г. по приказу кайзера был даже сформирован финский егерский батальон, куда, по мысли немцев, должны были вступать финские националисты, недовольные русским владычеством. Так вот, к концу войны в этом батальоне состояло всего 68 человек!

Большевицкий переворот резко изменил как ситуацию в самой Финляндии, так и ее отношения с Россией. Кровавая, но недолгая гражданская война 1918 г. оставила до сих пор не зажившую рану в национальном сознании финнов, а две войны с Россией (1939–1940 и 1941–1944 гг.) только подлили масла в огонь.

в чем не касаются других частей Империи, ибо в силу ст. 2 Основных государственных законов лишь по этим делам Финляндия управляется особыми установлениями на основании особого законодательства». Важным было и положение ст. 8 Закона, согласно которому изданные в России и опубликованные Сенатом нормативные акты считались опубликованными и в Финляндии.

¹⁴ У Финляндии были собственные валюта, торговый флаг, парламент и законодательство. Она официально не участвовала в Первой мировой войне: ее нейтралитет был признан Антантой и Тройственным союзом.

Список литературы

1. Берендтс Э.Н. 1910. *К вопросу о правовом положении Финляндии*. СПб. 16 с.
2. Бородкин М.М. 1901. *Юридическое положение Финляндии*. СПб.: Типография А.С. Суворина. 140 с.
3. Великий князь Николай Михайлович. 1999. *Император Александр I*. М.: Кучково поле. 305 с.
4. Германсон Р.Ф. 1897. *Государственное положение Финляндии*. Вып. 1. СПб. 131 с.
5. Клинге М. 2005. *Имперская Финляндия*. СПб.: Коло. 616 с.
6. Коркунов Н.М. 1893. *Русское государственное право*. Т. 1. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича. 690 с.
7. Коркунов Н.М. 1909. *Лекции по общей теории права*. СПб.: Издание юридического книжного магазина Н.К. Мартынова. 354 с.
8. Михелин Л. 1910. Критический разбор закона 17 (30) июня 1910 г. Гельсингфорс. 212 с.
9. *Российская империя от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории*. 2011. М.: Русская панорама. 880 с.
10. *Уголовное уложение 22 марта 1903 года. Неофициальный комментарий*. 1904. СПб.: Государственная типография. 1103 с.
11. Шиловский П. 1903. *Акты, относящиеся к политическому положению Финляндии*. СПб. 145 с.
12. Эрих Р.В. 1908. *Государственно-правовое положение Финляндии в освещении иностранных юристов*. СПб. 95 с.
13. Юссилла О., Хентилля С., Невакиви Ю. 1998. *Политическая история Финляндии 1809–1995*. М.: Весь мир. 384 с.
14. Innis H.A. 1950. *Empire and Communications*. Oxford: Clarendon Press. 230 p.
15. Schweitzer R. 1978. *Autonomie und Autokratie. Die Stellung des Grossfürstentums Finnland im russischen reich in der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts (1863–1899)*. Geissen: Schmitz, Wilhelm. 415 s.
16. *The Finnish Legal System*. 1966. Helsinki: The Union of Finnish Lawyers Publishing Co. 263 p.

References

1. Berendts E.N. *K voprosu o pravovom polozhenii Finlyandii* [On the Question of Legal Status of Finland]. Saint Petersburg. 1910. 16 p. (In Russ.)
2. Borodkin M.M. *Yuridicheskoe polozhenie Finlyandii* [Legal Status of Finland]. Saint Petersburg: Tipografiya A.S. Suvorina Publ. 140 p. (In Russ.)
3. Erikh R.V. *Gosudarstvenno-pravovoe polozhenie Finlyandii v osveshchenii inostrannykh yuristov* [State Status of Finland from the Point of View of Foreign Lawyers]. Saint Petersburg. 1908. 95 p. (In Russ.)
4. Germanson R.F. *Gosudarstvennoe polozhenie Finlyandii*. Vyp. 1 [State Status of Finland. Issue 1]. Saint Petersburg. 1987. 131 p. (In Russ.)
5. Innis H.A. *Empire and Communications*. Oxford: Clarendon Press. 1950. 230 p.
6. Jussila O., Hentilä S., Nevakivi J. *Suomen poliittinen historia 1809–1995* (Russ. ed.: Jussila O., Hentilä S., Nevakivi J. *Politicheskaya istoriya Finlyandii 1809–1995*. Moscow: Ves' mir Publ. 384 p.).
7. Klinge M. *Keisarin Suomi* (Russ ed.: Klinge M. *Imperskaya Finlyandiya*. Saint Petersburg: Kolo Publ. 2005. 616 p.).
8. Korkunov N.M. *Lektsii po obshchei teorii prava* [Lectures on General Theory of Law]. Saint Petersburg: Izdanie yuridicheskogo knizhnogo magazina N.K. Martynova Publ. 1909. 354 p.
9. Korkunov N.M. *Russkoe gosudarstvennoe pravo*. T. 1 [Russian Constitutional Law. Vol. 1]. Saint Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha Publ. 1893. 690 p. (In Russ.)
10. Mikhelin L. *Kriticheskii razbor zakona 17 (30) iyunya 1910* [Critical Analysis of the Law of 17 (30) June 1910]. Gelsingfors. 1910. 212 p. (In Russ.)
11. *Rossiiskaya imperiya ot istokov do nachala XIX veka. Ocherki sotsial'no-politicheskoi i ekonomicheskoi istorii* [Russian Empire from the Very Outset up to Beginning of XIX Century. Essays in socio-political and economic history]. Moscow: Russkaya panorama Publ. 2011. 880 p. (In Russ.)
12. Schweitzer R. *Autonomie und Autokratie. Die Stellung des Grossfürstentums Finnland im russischen reich in der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts (1863–1899)*. Geissen: Wilhelm Schmitz. 1978. 415 p. (In German.)
13. Shilovskii P. *Akty, odnosyashchiesya k politicheskomu polozheniyu Finlyandii* [Documents on the Political Status of Finland]. Saint Petersburg. 1903. 145 p. (In Russ.)
14. *The Finnish Legal System*. Helsinki: The Union of Finnish Lawyers Publishing Co. 1966. 263 p.
15. *Ugolovnoe ulozhenie 22 marta 1903 goda. Neofitsial'nyi kommentarii* [Penal Code of 22 March 1913. Unofficial commentary]. Saint Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya Publ. 1904. 1103 p. (In Russ.)
16. Velikiy knyaz' Nikolai Mikhailovich. *Imperator Aleksandr I* [Emperor Alexander I]. Moscow: Kuchkovo pole Publ. 1999. 305 p. (In Russ.)

Информация об авторах**Максим Анатольевич Исаев,**

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права, международно-правовой факультет, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

119454, Российская Федерация, Москва, проспект Вернадского, д. 76

isaeff.maximanoljevitch@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8492-0650

About the Authors**Maxim A. Isaev,**

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the Chair of Constitutional Law, Department of International Law, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia

76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454

isaeff.maximanoljevitch@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8492-0650